

Poetry Series

Sergey Zemtsov

- 42 poems -

Publication Date:

January 2013

Publisher:

PoemHunter.Com - The World's Poetry Archive

Poems are the property of their respective owners. This e-book was created by Sergey Zemtsov on www.poemhunter.com. For the procedures of publishing, duplicating, distributing and listing of the poems published on PoemHunter.Com in any other media, US copyright laws, international copyright agreements and other relevant legislation are applicable. Such procedures may require the permission of the individuals holding the legal publishing rights of the poems.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov was born in Russia in 1957 in the city of Stalinsk (Novokuznetsk) in Siberia. Relocated to the city of Novosibirsk in 1972 and lived in the cities of Novosibirsk, Omsk and Yekaterinburg until 1998 then immigrated to Israel. He lives in Toronto, Canada since 2006 until present.

Author of poems and verse published previously in Russia, Israel and USA.

Sergey Zemtsov won international Poetry Prizes:

- Diploma of 'Zolotay Strofa', Moscow, 2012 in nomination 'Philosopher Lyrics';
- First Poetry Prize of 'Zolotay Strofa', Moscow, 2013 in nomination 'Philosopher Lyrics'.

Works:

Poems, 1999, Israel.

Poems, 2009, Russia.

Collected Poems, 1983-2010, iUniverse, 2011, USA

Essays And Observations, 2012, iUniverse, 2012, USA

Essays And Observations, 2nd revised edition, 2013, XLibris, 2013, USA

Sergey Zemtsov. On magnetic Pole

On magnetic Pole
an arrow of compass
spinning round it's axis
laughing of joy

Here one can forget
the mystery of true direction
and no reply
on an answers

Here one has chance to dismiss
the vanity and the disquiet
getting high to the God...

Here one has possibility to open
the gates of love and ecstasy
in the heart...

It is singing the joyfull songs
cleaning your intellect
from crazy repeat
of spells
to be infected with logic...

Where should I find
a 'magnetic pole'
for my everlasting
soul?

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. The Flower Of Scarlet

Flower of scarlet,
Disaster that is coming,
Black doom with the stars,
Drops of water on the hot face.

It seems
This all was yesterday happen.
But maybe this world of
Earth Is to be continued?
And the taste of this food,
Color of your eyes,
Smell of the Spring
Would be the eternal satellites
In my roaming around...

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. The Magic Circle

Hands, eyes of yours
Give me the warming.
The freeze of my soul
Steps aside.

As if it for the first time
The world that I have seen
With the spring that brings
The feeling of the happiness on the Earth?

All the people are so far
From me and one from another.
It is possible to save the warm
Of your eyes only with using
The magic circle.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. Each New Day Of Stress

Each new day of stress
Put the blank in a text
Of the book, which
I am in a hurry to write.

Feeling myself as
A child forgotten by mama
In the world of Earth,
In the Thin world,

I am contemplating the drama:
There is temptation in this world
To become a Czar
Leaving after all
His pyramid,
Or to rest as a joker
Keeping hidden thought
That all world is just punk
And the vanity's end
One can achieve
At a cemetery yard,
Or to be fill up servant
Living behind to the offsprings
Just the set of the grandsons
In the family album
Surrounding your own person,
Or to be the scientist
Leaving academicians and professors
With deductions of your own
Which need more hot applause,
But no one wishes
To become Holy one...

The celestial world and terrestrial one
Are become really parallel
Only at nightdream.
The sinful soul of mine to forgive
And to have a mercy upon me
You, my Lord.
Thank You, Lord,
For minutes of illumination
While it is so clear to me
That this moment is fragment
Of future cosmogonies.
Thank You, Lord,
That you are leaving me something
That is really of my own.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. Methodology Toy

Fixing bugs for
Invoicing day.
Getting tags for
A funeral house.

Letting your supervisors
Play their CEO role.
Trunk your consciousness
As a Halloween toy.

I guess you are
Highly active girl,
Singing all for
A Design Agile.

Might be pretty
Hacker boy,
Getting Ruby,
Hold on Microsoft.

Pull your teeny podcasts
Against Wordpress.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. Password Rotation

Nothing here really worked.
I bet this crisis lasts
Not in an year but a life.

I'm seeking somewhat
Absolute of mine.
Good bye, crusader, stop a smile.

And no one gives you dollar for
You knowing this.
I bet this crisis lasts.

Rotating apple store
And facebook
Passwords.

Hi,
In a void you fly
A bird of mine.

No matter.
No master.
No dog.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. The Reflections Of His State

The reflections of His state
Are the visions of mine.
I want no longer to stay
Between you people
For i am afraid to be infected.

Social role
Is clear for you.
King, good-bye,
I love only all my.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. The Shock

Something beats me from out there
From the doors closed.
All the night too many dreams
As some explosions, as some flowers
Are raising before my eyes.
Sharp extremely
It waits me and promises
Something beyond
The real frontiers.

On the morning the explosive mixed up
Appeared from the dark
The strange emotions
As a napalm, as a poison
Bothering me to live now
The way I have been living before
Something feels like be really happening
Really been changing
It becomes the unrelated
All that local.
At once I want to
Remember the things that actually
Are not here in the place.
But were going on thousand years ago.

The ghost in a white clothing
With the known face
Calls me now for unknown
Beyond the Milky way
Or may be located somewhere in Australia
Where petrolium business is on
In the central desert.

Sergey Zemtsov

Sergey Zemtsov. The skyline of golden slumbers

The skyline of golden slumbers
Ruined the last dream and
Millennium house.
The silver fear hide itself
Under yesterday's crash.

Everything will be wiped out
With live water with devotion
Of the high sky and silent rains,
And crazy thunders.

Tomorrow would be late
To stay it all as it is.
To the crowd or in the forest
Tomorrow is time to run away.

Sergey Zemtsov

Translation. W.H. Auden, Funeral Blues I

Рояль, будильник, телефон
Заткнутся к черту.
Псу сахарную косточку кидай.
Гробовщиков, продавших гроб,
Хвали и одари рублем.

Аэроплан на небе
Пусть разгонит облака.
И струи выхлопного газа
Чертят - МЕРТВ ОН.
На шеях голубей плакаты
Пусть сообщают новость ВСЕМ.
Дорожный полисмен,
Следящий за порядком на шоссе,
Оденет черные перчатки.

Он был как компас.
Мне показывал
На север, юг,
На запад, на восток.
Руководил в рабочие часы,
И управлял прогулкой
По субботам.

Я думал это вечно
Будет продолжаться.
Теперь ни звезд, ни лун,
Ни света солнца не хочу.
Теперь осталось
Океану высыхать.
И некому в лесу
Кострище шуровать.
Теперь добра не сыщешь.

W.H. Auden

Funeral Blues

- 1 -

Stop all the clocks, cut off the telephone,
Prevent the dog from barking with a juicy bone,
Silence the pianos and with muffled drum
Bring out the coffin, let the mourners come.

Let aeroplanes circle moaning overhead
Scribbling on the sky the message He Is Dead,
Put crepe bows round the white necks of the public
doves,
Let the traffic policemen wear black cotton gloves.

He was my North, my South, my East and West,
My working week and my Sunday rest,
My noon, my midnight, my talk, my song;
I thought that love would last for ever: I was wrong.

The stars are not wanted now: put out every one;
Pack up the moon and dismantle the sun;
Pour away the ocean and sweep up the wood.
For nothing now can ever come to any good.

Sergey Zemtsov

Translation. Abraham Moses Klein. Portrait of the Poet As Landscape

- I -

Для редактора,
озабоченного передовицей,
он никто, какой-то Джон Мильтон,
затерявшийся на литературной обочине.

Актриса глицериновую слезу
из-за него не проливала ни разу.

О нем хранит молчание
радио и телевидение.

Нет ни досье, ни файлов секретных.
Нет псевдонимов народу известных.

Никому не интересно
узнать его настоящее имя.

Жив ли он, мертв ли он,
не проверяет никто.

Возможно в чулане
детективы найдут его труп
с разбитым лицом,
с открытыми глазами.

Возможно и то, что он жив,
но у него амнезия,
какая-то форма безумия,
или убогая старость,
или он безнадежно влюблен.

Мы можем быть уверены,
что для общества он потерян,
он не берется ими в расчет.

Разве что, статистика,
анонимные социальные анкеты,
включают куда-то о нем,
второстепенные закорючки,
очевидно не нужные вовсе
ни кричащей толпе,
ни тем, кто скучает.

О, и это он, культуры
инициатор и творец,
принцессы и принца учитель,
трибун с площадей, оратор,
изобретающий имена
для воздушных течений неба,
он остается цифрой,

знаком, лакуной,
никем.

- II -

На самом деле он не мертв,
он всеми забыт,
его игнорируют
как очки на веревочке,
виновато блестящие,
не нужные читателю
книги.

На самом деле он жив,
и считается сносным соседом,
но эксцентричным, таким,
которого можно простить,
и которого можно всегда отослать.

А он сам, нежный поэт,
колебаниям духа подвержен,
порой депрессивным до жути,
и считает, что лучше бы
мама его не родила совсем,
и прадедушка-привидение
ходит за ним.

Он считает,
что он проклят тем, что имеет
пять чувств, и вынужден
им доверять,
хотя объекты чувств
так иллюзорны.

Но также он знает, что есть астральное тело:
теплые части речи,
торс глагола,
красивых существительных лица!

Он знает самоощущение первой любви:
сочленения красивых причастий,
прилагательных сложность,
углы, повороты союзов!

Он помнит как стал другим,
перестал быть таким как все.

Математика мыслей,
кубические корни чувств,
патенты природы,
несвоевременный шок.

Воздух тонкий,
золотая фольга,
перекрестные взгляды
в равнодушной толпе.

Он, иногда, попадая в зенит,
надеется, что отрепетировал роль:

Графа Монте-Кристо, начавшего мстить;
неожиданно получившего наследство;
возвышенной личностью;
принца под хлороформом,
проснувшегося от запаха цветов;
или - опять принижая себя - роль
досрочно освобожденного заключенного,

- III -

Он одинок, но не совсем.

В каждом городе есть
сумасшедший вроде него,
иногда несколько,
в колледжах, в офисах -
цветные флажки на карте,
смотрители искусства,
библиотечного каталога,
прислуга, тени в тени.

Часть их эго - искусство, устаревшее,
переставшее быть нужным кому-то.

Уши не слышат, не работает голова,
но завитушки, запятые на месте,
техника есть.

Это часть фрустрации -
боль искажения истины
в нечто закручено мозговое.

Они собаки Павлова, жертвы,
и выделяют слюну по звонку,
но в тарелке нет корма, пуста.

У них двадцать один алмаз в часах,
но часы не для того, чтобы узнавать время.

Какой-то дикарь,
чем-то вообразивший себя,
решивший заняться стихами,
версификацией,

принят в обществе, носит запонки,
и теперь прислушивается, рассуждает,
стал уважаемым господином.

Его нянчат чревовещатели, у них
он сидит на коленках. Художник!

Кто-то уходит в мистику,
Кто-то сходит с ума.

Один целый день смотрит в зеркало,
пытаясь познать себя там.

Другой ищет встреч с ангелами,
и уверен, что они не откажут.

А третий, одинокий и
болезненный сексуально,
изобретает, олух, новые символы,
выпуклые и вогнутые.

О, шизоидное одиночество!

Сгущение чистоты, эстетство,
жизнь для себя и для своих,
дружба, ссоры, подозрения,
аффекты желания и любовь!

Скрытые и публичные,
извращения, найденные
друг у друга.

- IV -

Он подозревает что, нечто происходит.
Нарушаются законы, заказан кем-то ночной кошмар.

Отстраняясь от всего,
он все же следит за прической,
и одевается как в резервации.
Интроверт!

Он ничего не понимает,
и мрачен, в сердце тромбоз.

- V -

Слава, адреналин:
возможность кивнуть снисходительно миру.
Каприз превращен в анекдот.
Способ быть, чтобы быть.

Выбросить песню из головы
на рекламный конвейр,
бегущую ленту.

Слава - аттракцион, не дело.
Человекообразная обезьяна
имитирует речь человека,
не слезая с дерева предков.

Скорее для него слава
это полная неудача,
повод удалиться,
стать лунатиком.

- VI -

Поэтому он сеет иллюзии,
посмотрите, это Адам номер N.

Он много чего в этом мире посеял,
но робко: имена и декреты,
пыльцу сладких звуков для вечности,
силлабический мох.

Для него, отшельника, похвала
- основа дыхания;
пока не похвален пункт, слово,
их, как бы, и нет.

И сейчас в своем воображении
он посещает другие планеты
с камерой, чтобы
фотографировать Землю.

Каждый тик вдохновения снять,
и это все он намерен включить
в свое сочинение, книгу издать.

Чтобы найти новую функцию
деклассированного ремесла,
устаревшую как у Джона Флетчера.

Чтобы найти слово, которое станет
шестым чувством.

Во всяком случае, чтобы не зря
был прожит день.

Он не амбициозен.
скорее все это развлекает его.

В тоже время он делает из

своего статуса нуля
богатую гирлянду, венки.

В нимбе своей анонимности,
среди своих секретов
он как фосфор светится,
как глубоководная рыба.

На дне океана.

(146)

Portrait Of The Poet As Landscape- A.M. Klein

Not an editorial-writer, bereaved with Bartlett,
mourns him, the shelved Lycidas.
No actress squeezes a glycerine tear for him.
The radio broadcast lets his passing pass.
And with the police, no record. Nobody, it appears,
either under his real name or his alias,
missed him enough to report.

It is possible that he is dead, and not discovered.
It is possible that he can be found some place
in a narrow closet, like the corpse in a detective story,
standing, his eyes staring, and ready to fall on his face.
It is also possible that he is alive
and amnesiac, or mad, or in retired disgrace,
or beyond recognition lost in love.

We are sure only that from our real society
he has disappeared; he simply does not count,
except in the pullulation of vital statistics-
somebody's vote, perhaps, an anonymous taunt

of the Gallup poll, a dot in a government table-
but not felt, and certainly far from eminent-
in a shouting mob, somebody's sigh.

O, he who unrolled our culture from his scroll-
the prince's quote, the rostrum-rounding roar-
who under one name made articulate
heaven, and under another the seven-circle air,
is, if he is at all, a number, an x,
a Mr Smith in a hotel register, -
incognito, lost, lacunal.

II

The truth is he's not dead, but only ignored-
like the mirroring lenses forgotten on a brow
that shrine with the guilt of their unnoticed world.
The truth is he lives among neighbours, who, though they will allow
him a passable fellow, think him eccentric, not solid,
a type that one can forgive, and for that matter, forego.

Himself he has his moods, just like a poet.
Sometimes, depressed to nadir, he will think all lost,
will see himself as throwback, relict, freak,
his mother's miscarriage, his great-grandfather's ghost,
and he will curse his quintuplet senses, and their tutors
in whom he put, as he should not have put, his trust.

Then he will remember his travels over that body-
the torso verb, the beautiful face of the noun,
and all those shaped and warm auxiliaries!
At firstlove it was, the recognition of his own.
Dear limbs adverbial, complexion of adjective,
dimple and dip of conjugation!

And then remember how this made a change in him
affecting for always the glow and growth of his being;
how suddenly was aware of the air, like shaken tinfoil,
of the patents of nature, the shock of belated seeing,
the lonelinesses peering from the eyes of crowds;
the integers of thought; the cube-roots of feeling.

Thus, zoomed to zenith, sometimes he hopes again,
and sees himself as a character, with a rehearsed role:
The Count of Monte Cristo, come for his revenges;
the unsuspected heir, with papers; the risen soul;
or the chloroformed prince awaking from his flowers;
or- deflated again- the convince on parole.

III

He is alone; yet not completely alone.
Pins on a map of a colour similar to his,
each city has one, sometimes more than one;
here, caretakers of art, in colleges;
in offices, there, with arm-bands, and green-shaded;
and there, pounding their catalogued beats in libraries, -
everywhere menial, a shadow's shadow.

And always for their egos- their outmoded art.
Thus, having lost the bevel in the ear,
they know neither up nor down, mistake the part
for the whole, curl themselves in a comma,
talk technics, make a colon their eyes. They distort-

such is the pain of their frustration- truth
to something convolute and cerebral.
how they do fear the slap of the flat of the platitude!
Now Pavlov's victims, their mouths water at bell,
the platter empty.

See they set twenty-one jewels
into their watches; the time they do not tell!

Some, patagonian in their own esteem,
and longing for the multiplying word,
join party and wears pins, now have a message,
an ear, and the convention-hall's regard.

Upon the knees of the ventriloquists, they own,
of their dandled brightness, only the paint and board.

And some go mystical, and some go mad.
One stares at a mirror all day long, as if
to recognize himself; another courts
angels, - for here he does not fear rebuff;
and a third, alone, and sick with sex, and rapt,
doodbles him symbols convex and concave.

O schizoid solitudes! O purities
curdling upon themselves! Who live for themselves,
or for each other, but for nobody else;
desire affection, private and public loves;
are firendly, and then quarrel and surmise
the secret perversions of each other's lives.

IV

He suspects that something has happened, a law
been passed, a nightmare ordered. Set apart,
he finds himself, with special haircut and dress,
as on a reservation. Introvert.
He does not understand this; sad conjecture
muscles and palls thrombotic on his heart.

He thinks an impostor, having studied his personal biography,
his gestures, his moods, now has come forward to pose
in the shivering vacuums his absence leaves.
Wigged with his laurel, that other, and faked with his face,
he pats the heads of his children, pecks his wife,
and is at home, and slippered, in his house.

So he guesses at the impertinent silhouette
that talks to his phone-piece and slits open his mail.
Is it the local tycoon who for a hobby
plays poet, he so epical in steel?

The orator, making a pause? Or is that man
he who blows his flash of brass in the jittering hall?

Or is he cuckolded by the troubadour
rich and successful out of celluloid?

Or by the don who unrhymes atoms? Or
the chemist death built up? Pride, lost impostor'd pride,
it is another, another, whoever he is,
who rides where he should ride.

V

Fame, the adrenalin: to be talked about;
to be a verb; to be introduced as The:
to smile with endorsement from slick paper; make
caprices anecdotal; to nod to the world; to see
one's name like a song upon the marquees played;
to be forgotte with embarrassment; to be-
to be.

It has its attractions, but is not the thing;
nor is it the ape mimesis who speaks from the tree
ancestral; nor the merkin joy....

Rather it is stark infelicity
which stirs him from his sleep, undressd, asleep
to walk upon roofs and window-sills and defy
the gape of gravity.

VI

Therefore he seeds illusions. Look, he is
the nth Adam taking a green inventory
in world but scarcely uttered, naming, praising,
the flowering fiats in the meadow, the
syllabled fur, stars aspirate, the pollen
whose sweet collision sounds eternally.
For to praise

the world- he, solitary man- is breath
to him. Until it has been praised, that part
has not been. Item by exciting item-
air to his lungs, and pressure blood to his heart, -
they are pylsates, and breathed, until they map,
not the world's, but his own body's chart!

and now in imagination he has climbed
another planet, the better to look
with single camera view upon this earth-

its total scope, and each afflated tick,
its talk, its trick, its tracklessness- and this,
this he would like to write down in a book!

To find a new function for the declass  craft
archaic like the fletcher's; to make a new thing;
to say the word that will become sixth sense;
perhaps by necessity and indirection bring
new forms to life, anonymously, new creeds-
O, somehow pay back the daily larcenies of the lung!

These are not mean ambitions. It is already something
merely to entertain them. Meanwhile, he
makes of his status as zero a rich garland,
a halo of his anonymity,
and lives alone, and in his secret shrines
like phosphorous. At the bottom of the sea.

Sergey Zemtsov

Translation. Adrian Belew, Neurotica

НЕРВЫ

Доброе утро ... сейчас 3 часа ночи, но слышен страшный грохот.
Город запружен нищими, они копаются, роятся в мусорных объедках.
Ворьем, которые крадут автомобили на платных стоянках.
Под окнами отеля при свете фонарей тени превращаются в
Худосочных девчонок, они устали ходить на высоких каблуках,
Они желают продать себя - но все безуспешно.

Пересекает улицу шайка смуглолицых и молодых,
С голодной прытью рыщут чудовища.
Цыганский табор в расписных кибитках с оравой обезьян
В наш город прикатил и остановку сделал на площади.
Гиббон в пронзительно алеющем белье,
И японская макака в шапке с бриллиантом
Стучит по барабану молотком одною лапой,
Другой блудит с мандрилом,

Такое омерзительно зрелище
Едва ли ты увидишь на планете
Когда-нибудь
Еще ...
Зловоние и шум,
Да, это так они,
Оплакивают мертвецов
Своих ...
Их песни режут слух, и легче переносятся лишь
В сопровождении музыкальных трелей
Певчих африканских птиц.

Клаксоны таксомоторов и крики старого ибиса
Все смешалось в погребальном хоре.
Фотоаппараты с ястребиными зрачками снимают сцены
Частной жизни, мне неинтересной.
Подозрительно звучат речи бульварного юмориста
С нападками на политический режим.
И как бы делающего репортаж
О королевской рыбной ловле,
Кто он? Неплохо заработает
Взяв утром интервью...

Я проезжаю сквозь жар ночной,
Неон лихорадки нервной.
Я проклинаю сброд, который
Кишмя кишит, заполонил огромный город.
От мрази грязных улиц
Меня бросает в пот и
Я бреду среди
Бегущих декораций.
У меня нет ни плавников, ни крыльев, ни жала,
Ни когтей, ни камуфляжа, мне нечего добавить
К тому что я сейчас скажу...

Я говорю:

Нет ли поблизости слона? Рыбы? Которые наблюдают
Сквозь подстриженный кустарник,
То как сумасшедшие дети выгуливают щенят,
Желающих мочиться
На забор, обклеенный купюрами,
В котором есть большая щель
И сквозь нее подсматривают за людьми:
Русалки, канарейки, пауки, мартышки и вампиры.
Разрозненные кем-то части всех животных
Объединились в жуткую толпу и разыграли
Свой ночной спектакль...
В котором вместо
Струн звучали
Нервы ...

Прощайте ...

Adrian Belew, Neurotica

'good morning, it's 3 a.m. in this great roaring city full of garbage eaters ravaging parking spots beneath my plaza window...i see cheetah in their tight skins and tired heels, all-night h
In the diner, crossing the street, swarthy herds of young impala, flambastic gibbon, even a struggling monza, and over there that brilliant head ornament on that japanese macaque...but look closely at the hammerhead hand in hand with the mandrill; it's a sight you're unlikely to see anywhere else on the planet'

'the stench and the noise, yes, yes...the howlers' resonating repertoire is not too bad when mixed with the more musical twern of the tropical warbler, but the impatient taxi blare, the squawking elderly ibis, and the glass-eye snapper hawking papers I can certainly live without...also be cautious of the poisonous boomslang laughter, social droppings of the fruit bat and purple queen fish...and who's that babbler conversing with a magazine stand? ...evidently he's getting a good reply...'

Arrive in neurotica
Through neon heat disease
I swear at the swarming herds
I sweat the foul terrain
I rove the moving scenery
I have no fin, no wing, no stinger,
No claw, no camouflage
I have no more to say

'say, isn't that an elephant fish on the corner over there? look at that bush baby, mud puppy, noolbenger, rhinoderma, marmoset, spring peeper, shingleback skink, siren, skate, starling, sun-gazer, spoonbill,

And suckers, they seem to be everywhere!
Well, it's a live revue...random animal parts, now playing nightly right here in
neurotica...so long! '

Sergey Zemtsov

Translation. Alicia Ostriker, The Window, At The Moment Of Flame

Alicia Ostriker

Окно, в момент самовосгорания.

И все это произошло
В то время, когда я
Играла в игрушки,
В автомобиле на супершоссе,
В кубики небоскребов.

И все это произошло
В то время, когда
В далеких странах
Тысячи и миллионы
Сопели у могил,
Костлявых младенцев несли на руках, .
Фотографировались для журналов.

И тогда взрыв
Снес крыши,
Снял скальпы
С оффисов.

Земля пуста
И гниет.

И все это произошло в то время,
Когда я делала покупки, делала shopping,
И можно сказать - я была свободна,
И они меня за это ненавидят.

Они ненавидят за это МЕНЯ.

(86)

The Window, at the moment of flame

and all this while I have been playing with toys
a toy superhighway a toy automobile a house of blocks

and all this while far off in other lands
thousands and thousands, millions and millions

you know - you see the pictures
woman carrying bony infants

men sobbing over graves
buildings sculpted by explosion-

earth wasted bare and rotten

and all this while I have been shopping, I have
been let us say free
and do they hate me for it
so they hate ME

(page 86)

Sergey Zemtsov

Translation. Alicia Suskin Ostriker, during the bombing of Kosovo

во время бомбардировок Косово

Авель был первым человеком,
от которого Брат отрекся,
а имя 'Hevel' переводится словами
пар, туман, суета.

вечером
или утром, но,
с высоты в десять тысяч футов,
посыпались бомбы.

это случилось, и пар
клубится среди развалин.
солдаты, танкисты
бредут по дорогам,

десятки тысяч беженцев,
неполные семьи,
и женщины в шлепанцах,
и с босыми детьми,

с корзинками, одеялами,
с пожитками, сбережениями,
которые у них всегда отнимают
мародеры по случаю.

такое уже случалось под Солнцем,
и в новостях это было,
на голубых экранах все видели это,
и устали органы зрения, органы слуха.

хотя мы, по-прежнему,
к фестивалю свободы
готовим наших детей,
и памятники украшаем.

а ты, ты - тот, кто
посылает с Неба на Землю
дожди и туманы,
что думаешь ты?

Песах, 1999

(61)

during the bombing of Kosovo

HEVEL may be translated vanity
or mist or vapor

the name of the first man
whose brother was not his keeper

It is evening it is morning one day
like mist from ten thousand feet
above the hills bombs fall
like vapor the thin air
is full of them
roads crawl with tank soldiers
like mist tens of thousands
of refugees cross the border
like vapor from morning to dusk
unmanned families
like mist women in slippers
children in bare feet
like vapor carrying blankets
suitcases of clothes
like mist money
ripped off by border guards

Not new under the sun
not new on throbbing bluelit screen
but the eye tires of seeing
the ear of hearing
oh we still prepare our feast
of liberty and memory
we remain your children

And you, you-
father of rain
what are you thinking

Passover, 1999

(page 61)

Sergey Zemtsov

Translation. Alicia Suskin Ostriker. psalm

псалм

ты меня отлучил от себя
я не могу увидеть тебя
я не могу прикоснуться

ты как ураган
наказание или казнь
ты как электрошок

а я как ребенок
он прячется за занавеской
ангельским смехом встречает чужих

ты сумасшедший водитель моего экипажа
ты аргумент моего стихотворения
между нами нет ничего кроме дыхания

(69)

psalm

I endure impure periods
when I cannot touch you

or even look at you
you are a storm I would be electrocuted

by your approach then I feel some sort of angelic laughter
like children behind the curtain

come, I think
you are my fingertips my womb

you are the wild driver of my vehicle
the argument in my poem

nothing between us
only breath

(page 69)

Sergey Zemtsov

Translation. Alicia Suskin Ostriker. psalm 2

psalm

лирическое настроение прошло,
на арфе я не буду больше
музицировать с тобой.

и радостные звуки не услышишь больше.

ты жалуешься, жалость пьешь,
как сладкое вино.

итак, я повторяю то,
что это причиняет боль,
я ненавижу это,
я больше не смотрю в глаза,
я больше для тебя не стану убивать,

я никогда не буду вас любить,
пока вы не попросите меня об этом лишней раз.

да, в этом мире все так хорошо -
молекула с молекулой вступает в связь.

и снежные вершины гор
преодолели гравитации оковы.

вороны стай циркулируют в полях,
и приготавливают утренний конгресс.

узорчатый листочек падает
в ручей бурлящий.

львы так ритмичны на охоте, убивая антилоп,
и бабочки летят на желтых крыльях через поле.

галактики свои лучи кривого света
из прошлого послали в материальный мир.

ты, инженер, изрядно сделал нам добра,
так, как же смею я просить еще чего-то.

но, не подумай, что плохая память у меня.

ты был со мною рядом,
обнимая, и,
танцую, обходились мы без слов.

ты заповедовал греха бояться.

о, это было хорошо.
все таяло, и радуги красивые сияли в небе.

теперь, я и не знаю, где в каком аду
тебя найти, но где бы ни был ты сейчас,

тебе привет, и я не одинока здесь.

(57)

psalm

I am not lyric any more
I will not play the harp
for your pleasure

I will not make a joyful
noise to you, neither
will I lament

for I know you drink
lamentations, too,
like wine

so I dully repeat
you hurt me
I hate you

I pull my eyes away from the hills
I will not kill for you
I will never love you again

unless you ask me

You have made everything wondrous after its kind
the x molecule hooks the y molecule

mountains rise with utmost gravity
snow upon their shoulders

a congress of crows circulates through the maize
whose sheen brightens through a breezeless morning

the ribbed leaf a spot of scarlet floats
on the shivering creek

each single thing so excellent in form and action

whether by chance by excitement by intention

yoy draw along a dappled path the wren
to her nest, the fledgings cry, the lions flow

rhythmically toward the antelope, the butterfly
flicks yellow wings, the galaxies

propagate light in boundless curves
past what exists as matter, as dust
You have done enough, engineer
how dare we ask you for justice

Do not think I fail to remember

you were right there
clasping me
when we danced
without words
commandments
fear
oh it was so good
oh it was like melting
oh it was like a rainbow
so where in hell
are you now

you can tell I'm lonely

(page 57)

Sergey Zemtsov

Translation. Allen Ginsberg. God

БОГ

18-и летний морской пехотинец
стал жить в 'Мире с Богом.'
Слово. Заглавная буква Б. Кто такой Бог?
Я подумал, что я его видел однажды и слышал,
теперь его голос звучит как мой голос,
и Я не Бог, но кто Бог? Библейский Бог Иисус?
Чья Библия? Старого JHVN? 4 согласных буквы
или слово из трех букв Бог? Б-О-Г.
Аллах? Говорят Аллах велик, осквернишь
имя Аллаха и ты покойник!
Заратустра Единственный Мудрец
привычно считается великим.
Версия Мормонов получила абсолютное
большинство в породах и родословных.
Папа телеевангелистов? Непогрешимых
Евангелистов Южной Секты?
Как согласовано это с Айяталлой?
С инструкциями Билли Грэхема
и божеством Армагеддона Рональда Рейгана?
Кто такой Бог Любавического Рабби,
отказывающий в мире своей стране?
А Бог Ясира Арафата тот же, что и Бог Шамира?
Что насчет Богини Матери?
Что случилось с Афродитой, Гекатой,
Дианой из Эфеса с торчащими грудями.
Венера Виллендорфская с круглым задом
старше Яхве, Аллаха, старше Сна Заратустры,
Конфуция, Лао Цзы, Будды и 39-и патриархов Дзена.
Есть ли хотя бы один реальный Бог?
Существует ли Единственный Бог?
Откуда пришли все эти Боги:
Нападающие друг на друга,
на бедных Майя, Ацтеков,
Перуанских солнцепоклонников.
Индейцы Хопи в резервациях Аризоны,
спят у костра при луне под мескалином.
После всего этого, какой я Бог,
создатель мира, мира, который мы придумали
или выронили на Планету
из Мусоропровода прародителей?
Я зная, что Я не Бог, а ты? Не будь глуп.
Бог? Бог? Бог для всех? Не будь глуп.

(1076)

The 18 year old marine 'had made his Peace with God.'
A word. A capitol G. Who is God? I thought I saw him once
and heard his voice, which now sounds like my own,
and I'm not God, so who's God? Jesus Bible God?
Whose Bible? Old JHVN? The 4 letter one without vowels or the 3 letter

word God? G-O-D?

Allah? Some say Allah's great, tho' mock his name you're dead!

Zoroaster's Wise One used to be great, & Mormons' version got absolute pedigrees & Genealogies

Is Pope's God same as Southern Baptist Inerrancy televangelists?

How's that square with the Ayatollah's Allah, Billy Graham Nixon's on his knees, Ronal Reagan's Armageddon deity?

What of Lubavitcher Rabbi's God refusing land for peace exchange?

Is Yassir Arafat's God same as Shamir's? What about Magna Mater?

What happened to Aphrodite, Hecate, Diana many breasted at Ephesus, round bottom'd Willendorf Venus older than Jahweh & Allah & Zoroaster's dream!

older than Confucious, Lao Tzu, Buddha & the 39 patriarchs.

Is any God real? Is there one God? How come so many Gods -

Fighting eachother, poor Mayans, Aztecs, Peruvian sun worshippers?

Hopi peyoti deamers round the half moon fire.

Am I God after all, made the universe, we dreamed it up together

or got tumbled out of the Chute onto Planet, looking for progenitors?

I know I'm not God, are you? Don't be silly.

God? God? Everybody's God? Don't be silly.

(page 1076)

'Poetry is the one place where people can speak their original human mind. It is the outlet for people to say in public what is known in private. '

-Allen Ginsberg

'Follow your inner moonlight; don't hide the madness.'

—Allen Ginsberg

Sergey Zemtsov

Translation. Charles Bukowski, Full Circle

Мой друг детства, Сэнфорд,
Он любил грязные шутки -
Мочиться в бутылки с молоком, отрывать лапы паукам,
Мучать собак.

Он был по горло в практических шутках.

Когда началась Вторая Мировая Война,
Он записался в Военно Воздушные Силы.

«Летчикам все девушки дают! » - сказал он мне.

Во время его второго полета над английским каналом
Они размазали его задницу по синему небу.

От него ничего не осталось.

Это была очередная грязная шутка грязного мира.

(p 8)

full circle

Sanford liked to play dirty
tricks like piss in milk bottles,
burn the legs off the spiders, torture
dogs, put water in gas tanks, etc.

he was full of dirty
tricks.

we grew up together.

when World War II arrived he enlisted in the
Army Air Force.

«the flyboys get all the pussy, » he
told me.

on his second mission over the English
Channel they
blasted his ass out of the
sky.

they never found him.

Another dirty trick in a dirty trick
world.

(page 8)

Sergey Zemtsov

Translation. Charles Bukowski, you can't force your way through the eye of a needle..

Ты не можешь заставить себя
пройти сквозь игольное ушко.

Уничтожение стихотворений
У меня в привычке.
Я могу сочинить 5 или 12
За ночь.
И мне нравятся они все.

Холодным утром
Я выбираю одну или две
Строчки.

Рвать и выбрасывать
В корзину с мусором
Все эти неудачи есть
Чистое наслаждение.

Но, когда-нибудь,
Я выброшу и все остальное.

Трудно поверить,
Что стихотворение
Выражает суть
Нашего существования.

Хотя многие поэты,
Жившие до нас,
Чувствовали, что, якобы,
Выражают нечто.

'Чтобы там ни было,
Боги не немые.
Они должны смеяться
И удивляться
Нашему бреду, нашим
Попыткам добиться славы.'

(193)

you can't force your way through
the eye of a needle

tearing up poems is my
speciality.
on a given night
I will write between 5 and a
dozen

feeling very good about
all of
them.

the next day
in the cold morning
light
I face them
again:
some have
at best
only a decent line or
two.

to rip and basket
these failures
is a pure
pleasure.

there are some
days
then all of them
go.

the poems is hardly
the core of our
existence
although
there have been many
poets
who felt that
it
was.

whatever they are,
the gods are not
dumb.
they must laugh
and wonder
at our
fever for
fame.

(page 193)

Sergey Zemtsov

Translation. Charles Bukowski. The pleasures of the damn.

From

Charles Bukowski.

The pleasures of the damn. Poems, 1951-1953

society should realize...

Общество должно ценить...

ты идешь на консультацию
к психиатрам и к философам,
если дела плохи..

но есть еще шлюхи,
и для молодых и для старых.
эти шлюхи молодым говорят:
'мальчик не бойся,
я тебя всему научу'
пожилым мужчинам
шлюхи предлагают акт,
имитирующий счастье
в лучшие годы.

наше общество шлюх своих
должно защищать.
они любят работать,
толк понимают в тонких вещах.

я припоминаю в мексиканском
борделе девицу с тазиком,
с ковриком, с теплой водичкой,
которая ловко со мной
управлялась в постели.

она растянулась на простыне,
когда в дверь стал кто-то
стучать и кричать
'какого черта ты
там застряла? '

но это нам не помешало,
все было, как будто концерт,
не прерывай симфонию Малера!

когда я кончил, мы улыбались,
подмылись теплой водичкой,
я оделся, ушел.

в лобби борделя меня узнал
джентльмен, и спросил:
'боже, что ты там делал? '
'сношался...'

а потом я спустился
с крыльца в лунную ночь,
втянул в легкие
дым сигареты.

я опять гуманист,
такой просветленный,
заплатив за все \$3.

я так люблю себя самого,
и ее, мексиканскую ночь.

(155)

society should realize...

you consult psychiatrists and philosophers
when things aren't going well
and whores when they are.
the whores are there for young boys and old
men; to the young boys they say,
'don't be frightened, honey, here I'll put t
in for you.'
and for the old guys
they put on an act
like you're really hooking it home.
society should realize the value of the
whore—I mean, those girls who really enjoy their
work—those who make it almost an
art form.

I'm thinking of the time
in a Mexican whorehouse
this gal with her little bowl and her rag
washing my dick,
and it got hard and she laughed and I
laughed and she
kissed it, gently and slowly, then she walked over and
spread out
on the bed
and I got on and we worked easily, no effort, no
tension, and some guy beat on the door and
yelled,
'Hey! what the hell's going on in there?
Hurry it up! '
but it was like a Mahler symphony—you just don't

rush
it.

when I finished and she came back, there was
the bowl and the rag again
and we both laughed; then she kissed it
gently and
slowly, and I got up and put my clothes back on and
walked out—
'Jesus, buddy, what the hell were ya doin' in
there? '
'Fuckin', ' I told the gentleman
and walked down the hall and down the steps and stood
outside in the road and lit one of those
sweet Mexican cigarettes in the moonlight.
liberated and human again
for a mere \$3, I
loved the night, Mexico and
myself.

(155)

my atomic stockpile

Мой атомный резерв

я убирал свой дом,
впервые за десять лет.
и нашел стопку черновиков, сотню
незаконченных поэм.
(с трудом можно разобрать почерк)

сейчас я почищу
им зубы,
подлечу кариес
пошлю к окулисту проверить зрение,
к диетологу избавиться от лишнего веса,
сделаю переливание крови,
снова в больном поэзией мире
они у меня попляшут

если я не сделаю это,
я должен буду сжечь города,
изнасиловать женщин,
убить мужчин, отдать ваших детей
в рабство

каждый раз, когда я чищу свою комнату,
баланс мира нарушается.
так что правильно, что я делаю уборку
не чаще, чем раз в десять лет.

(271)

my atomic stockpile

I cleaned my place the other day
first time in ten yers
and found 100 rejected poems:
I fastened them all to a clipboard
(much bad reading) .

now I will clean their teeth
fill their cavities
give them eye and ear examinations
weigh them
offer blood transfusions
then send them out again into the
sick world of posey.
either that
or I must burn down your cities,
rape your women,
murder your men,
enslave your children.

every time I clean my room
the world trembles in the balance.
that's why I only do it once every
ten years.

(271)

the ladies of summer

Летние леди

Летние леди умрут
как розы, как ложь

Любовь летних леди
длится, поскольку
цены еще не упали

Леди любят любого,
даже такого как ты, пока
лето в разгаре

Но для них наступает зима,
белый снег, морозы

Столь уродливы

лица дам в холода

Смерть зимой, и та,
брезгует ими

(502)

the ladies of summer

the ladies of summer will die like the rose
and the lie

the ladies of summer will love
so long as the price is not
forever

the ladies of summer
might love anybody;
they might even love you
as long as a summer
lasts.

yet winter will come to them
too

white snow and
a cold freezing
and faces so ugly
that even death
will turn away —
wince —
before taking
them.

(502)

Sergey Zemtsov

Translation. Charles Bukowski. This Kind Of Fire

this kind of fire.
разновидность огня.

иногда, мне кажется, что боги
преднамеренно толкают меня
в огонь,
чтобы я, всего лишь,
написал несколько хороших строк.

они всего лишь мешают
мне выйти в отставку,
и, в шелковом шейном платке
преподавать литературу в Йеле.

богам необходимо, чтобы я их развлекал.

потому что им скучны другие,
как, впрочем, и мне тоже.

однако, в моей зажигалке закончился газ.
я без надежды щелкаю ею - нет там огня.
это та разновидность огня,
когда боги
бессильны.

this kind of fire

sometimes I think the gods
deliberately keep pushing me
into the fire

just to hear me
yelp
a few good
lines.

they just aren't going to
let me retire
silk scarf about neck
giving lectures at
Yale.

the gods need me to
entertain them.

they must be terribly
bored with all
the others
and I am too.

and now my cigarette lighter
has gone dry.

I sit here
hopelessly
flicking it.

this kind of fire
they can't give
me.

Sergey Zemtsov

Translation. Collete Inez, The Skeptic

Я свободный мыслитель, который читал Вольтера.
Мое фортепиано украшает портрет Карла Маркса.
Я цитирую 'Почему я агностик' Роберта Ингерсолла.

Паскаль никогда не говорил:
'Сомневаюсь, следовательно существую',
но Я говорю это,

и Я отрицаю любую интерпретацию Бога,
если она не включает символический якорь
национального вождизма.

И не верю в Сына Бога, который всего лишь диссидент,
получивший на фиктивном небе пост среди ангелов.
Ангелы иногда спускаются с неба на землю, чтобы
спасти неудачников, должников и пьяниц.

И Я сомневаюсь в том, что небесные девственницы придут
к обитателю Флориды, который питается пиццей,
и умело экономит на скидках.

Слово GOD я хочу заменить на GOOD,
и Я буду молиться любви, друзьям, музыке,
книгам, разуму и красоте.

-

Роберт Грин Ингерсолл (англ. Robert Green Ingersoll, 1833 - 1899) —
американский военный,
юрист, публицист и оратор. Известен выступлениями в защиту агностицизма, о
литературе,
о самоубийствах. Участвовал в Гражданской войне на стороне Севера, достиг чина
полковника.
GOD (англ) - БОГ
GOOD (англ) - ДОБРО

The Skeptic

I am the free-thinker who reads Voltaire.
A photograph of Karl Marx adorns my piano.
I quote from Robert Ingersoll's 'Why I am an Agnostic.'
'I doubt therefore I am' never said by Pascal,
yet I am and I doubt any interpretation
of god that does'nt also decribe him as a symbolic
tribal father hurling biblical rancor at the nations.
I doubt his alleged only son as anything more then a
dissident perched in fictive heaven
among angels who sometimes fly down to earth to keep drunks
and debtors from jumping into rivers.
I doubt celestial virgins will visit the men who ate pizza
in Florida, shopping smart at discount stores.
Consigned to the zero of null, there are specs of ash

alongside those they killed in the name of their divinity.
I want to put an extra 'O' between G O and D, I'll pray
to that: love, friends, music, books, reason and beauty.

(page 36)

Sergey Zemtsov

Translation. David McGimpsey, My Life as a Canadian Writer

Моя Жизнь как Жизнь Канадского Писателя

Короткий первый мой рассказ "Провинциальная Фея"
Был двадцать пять раз мне возвращен,
Пока я не пристроил оный в журнал "Обозреватели Мускоки",
И после этого работа пошла на лад.

Я изучал социализм и прелести его по книгам авторов,
Которые настолько страстны были, что плакали,
Когда не получали грант. Поехал с ними я на север,
Смеяться над мышлением of Alden Nowlan.

Да! На радио я тоже был!
Вам доводилось слышать тот сегмент "Канадских Чтений",
Где так хвалили книжный вариант сценария
Tom Cruise's Top Gun - так это мой!

Теперь я поселился в Монреале, и тут моя работа.
В чем заключается она? Все, что мы делаем - сидим в кафе,
И обсуждаем лишь единственную Тему: а стала ли литература
Available for free on the Internet?

Alden Nowlan.(англ) - канадский поэт
Tom Cruise's Top Gun. (англ) - фильм в стиле action drama с участием популярного
актера Tom Cruise
Available for free on the Internet (англ)
-стала бесплатной в сети 'Интернет', соединяющей ЭВМ

(65)

My Life as a Canadian Writer

My first short story, "The Provincial Fair"
was rejected twenty-five times before
it found its home in the Muskoka Review.
From then on it's been pretty easy.

I learned the beauty of socialism
from writers so passionate they'd cry
when they didn't get a grant. We'd go north
and laugh at the thought of Alden Nowlan.

Yes, I have been on the radio!
If you heard thar segment of Canada Reads
where a guy recommends the novel version
of Tom Cruise's Top Gun, that was me.

Now I live and work in Montreal.

All we do is sit in cafes and talk through
the one remaining question of literature:
is it available for free on the Internet?

(page 65)

Sergey Zemtsov

Translation. Don McKay. Snowball Earth

Snowball Earth

Снежный Ком Земли

1.

Однажды, возвращаясь, зима победила.
Земля стала твердой как железо,
вода стала как камень, которому
сто миллионов лет.

Персефона в депрессии,
отложила планы
своих путешествий
на неопределенное время.

Далеко ехать... стресс сексуальности,
стресс биполярности, старая очень старая
игра в мяч. Волейбол. Ей достаточно...

На поверхности Земли
ледники, снежные прерии.
Солнце покинуло пространство
и эти пустыни.

Иное астральное существо, двигаясь мимо,
могло сказать - для биосферы это слишком!
Мертвая система, роскошная смерть.
Но по большому счету это неверно.

Почему? Обитатели планеты знают почему.
Матушка Магма в недрах планеты жива.
Пожары растопят льды.
Проклятие холода кончится.

2.

В центре замерзшего пруда
мы остановились - поправить шнурки на обуви,
потереть нос,

среди зимних дьяволов, перестрелявших друг друга и разбежавшихся.
Потеряны стога, посевы, сезоны урожая,
и как глаз стеклянный - лед на закате солнца. Биология

повсюду озабочена приготовлением к встрече со смертью.
Мы остались - обитатели Снежного Кома Земли,
монахи на космической дискотеке.

Слушай - тишину и скрип
времени, покинувшего часы.

Но еще через минуту другую,
сущность животных возвращается,
сущность млекопитающих, с рассуждениями
о морозе и отчаянии.

Только зима - эхо вечности.

(46)

SHOWBALL EARTH

1.

Once, way back when,
winter won.
Earth was hard of iron,
water like a stone for something like one
hundred million years. Persephone
must have been depressed,
and postponed all her travel plans
indefinetely. The long commute. The stress
of beeing sexy and bipolar, bouncing gloom
to joie de vivre to gloom the same
old same old volleyball. Enough.
She settled down to life with grim
ultramafic Death.

Up on Earth
the glaciers grew to ice caps, snow
on snow, the ice caps to ice fields,
ice prairies, pampas, veldts, albedo
ramped to the max, Sun's
billets-doux returned to space unread.

So much for that biosphere,
some passing astral being might have said,
inert and gorgeous, a dead movie star,
a tempting but inedible meringue.

And they's be wrong
in the long term. Why? Let all who dwell
on the blue-green planet ceebrate
the mother magma churning at its heart,
the home fires that kept burning and at length undid
that cold Precambrian spell.

2.

In the middle of the frozen pond
we pause: blow noses;
tighten snowshoes. Around us

snowdevils skirmish and disperse.
Loose tresses sift, braiding, un-
braiding, and where

the ice is bare the slant sun,
like a glass eye,
glances. Biology is elsewhere,

busy with its death-birth
buzz. Here we are simple citizens
of Snowball Earth, the cosmic disco ball

and nuh. Listen: : that mix
of hush and scratch is time
clocklessly elapsing. In a minute

our mammal-selves will come back
bearing tales of frostbite
and heartbreak. For now

just winter pre-echoing the infinite.

(page 46)

Sergey Zemtsov

Translation. Don McKay. Song for the song for the Purple Finch

Song for the song for the Purple Finch

Песня о песне пурпурного зяблика

Милый, если у тебя есть графин -
перемешай в нем комическую оперу для себя,
чириканье, химиотерапию, стирку носков.

Понимаешь меня? Я хочу сказать,
что тут - жердочка над пропастью.

И болтовня становится песенкой,
смех - лирическим монологом,
текстом в английском романе,
и, даже гребешок кухонной тетушки
станет литературным героем.

Я хочу сказать,
что жизнь, конечно, трагична,
но, милый, это тебя не касается.

Играй на пурпурной гитаре. Адью.

(14)

SONG FOR THE SONG OF THE PURPLE FINCH

Honey, if you had some of this in a carafe
you could mix yourself a comic opera out of
willow willow willow, chemotherapy, and
washing your socks in the sink.
Know what I mean? I mean what-is is
perched on the precipice where chat
breaks into song or it may be laughter
breaking into Welsh or Aunt Clars's pure
lyrical harangue breaking like combers over
Uncle Archie in her kitchen. I mean life
for sure is tragic but honey you
aren't. Here's your purple guitar. Adios.

(page 14)

Sergey Zemtsov

Translation. Don McKay. Song for the song for the Sandhill Crane

Song for the song for the Sandhill Crane

Песня о песне канадского журавля

Минуя ухо, крик журавля проникает в мой торс,
из своего центра герменевтики и исследования слухов,
экспериментальных лабораторий,
активируя детскую память,
пробуждая всех костей дрожь.

Гласные звуки - гравитации Луны отголоски,
согласные означают колесо Сансары.

Зачем же бессильно на крыльцо моего дома утром
я выхожу, полуодетый, чтобы увидеть
спирали тумана и пара, и слышать
крики всех гоминид, никогда не рожденных,
и звездные реки познать,
и понять, что

можно счастье найти
в одиночестве и
смерти не испугаться.

(7)

Song for the song for the Sandhill Crane

It eschews the ear,
with its toolshed, its lab, its Centre for Advanced
Studies in Hermeneutics and Gossip,
to boom exactly in my thorax,
rattling the bones and waking the baby. Garoo:
the o's are caves of lunar gravity, the rolled r
recalls the ratchet of life and death.
Why am I standing on this frigid porch
in my pyjamas, peering into the mist
that rises in little spirals from the pond?
Where they call from the blue
has nearly thinned to no-colour-
clear. Where
they call from hominids haven't yet
happened. Garoo:
who can bear those star-river distances?
I'm so lonesome I could die
happy.

(page 7)

Sergey Zemtsov

Translation. Edwin John Pratt. Come Away, Death

Edwin John Pratt. Come Away, Death

Выходи, Смерть!

Трагическая на свадьбе, комическая на кладбище,
Хочешь не хочешь, приходит и уходит,
Willy-nilly, nolens-volens, эпиталама, эпитафия.

Муза поэзии не соблазнит Смерть,
У Смерти логика клоуна.

Хотя, надо сказать, Смерть постоянна,
Несмотря на курс перемен в саду.
И ветер пыльцу переносит.
И зернышки мака стали цветами.

В те времена, когда-то, Смерть являлась в дорогом костюме.
И Тишина в глубокой скорби объявляла о Ее приходе.

Она снимала жар с виска, и закрывала веки,
При свете скорбных свечек в канделябрах,
И приглашала следовать за ней в мир иной.

Но грации Ее средневековой больше нет.
Закончилась однажды с городским пожаром,
И пальцами, листающими манускрипты на досуге,
И с мрамором, с мозаикой венецианской,
С молитвой Деве, стоя на коленях с букетом роз,
С молитвой 'отче наш' Ее жрецов, в их горлах булькая,
Благославляющей скелета поступь, прах из праха.

И как-то ночью,
В сентябре, в деревне рыбаков,
Мы услышали Ее шаги.
Когда, в затишье шторма и порывов урагана,
Прорезалась прибой фуга.

Дубы свои братоубийственные ветви
Мгновенно расцепили.
И тополя застыли, слушая Ее шаги,
Моторов и машин неясный грохот,
Который вдруг совсем затих.

Затих настолько, что мы слышали,
Как кровь сочилась через сердца клапан.
И шельфа шорох перелился
В густую тишину дыхания циклона.

И то, что здесь сейчас произошло,
Как громовой раскат,
Превосходящий все пределы туч.

И наша человеческая речь
Искривлена была, отброшена назад
К истокам и костям, в Ямайки грот,
В изгнание Друидов, отброшена назад
К иероглифам, к стилю пришельца,
Написавшего Апокалипсис.

1943

(65)

Edwin John Pratt

Come Away, Death

Willy-nilly, he comes or goes, with the clown's logic,
Comic in epitaph, tragic in epithalamium,
And unsexed by any mused rhyme.
However blow the winds over the pollen,
Whatever the course of the garden variables,
He remains the constant,
Ever flowering from the poppy seeds.

There was a time he came in formal dress,
Announced by Silence tapping at the panels
In deep apology.
A touch of chivalry in his approach,
He offered sacramental wine,
And with acanthus leaf
And petals of the hyacinth
He took the fever from the temples
And closed the eyelids,
Then led the way to his cool longitudes
In the dignity of the candles.

His mediaeval grace is gone -
Gone with the flame of the capitals
And the leisured turn of the thumb
Leafing the manuscripts,
Gone with the marbles
And the Venetian mosaics,
With the bend of the knee
Before the rose-strewn feet of the Virgin.
The paternosters of his priests,
Committing clay to clay,
Have rattled in their throats
Under the gride of his traction tread.

One night we heard his footfall - one September night -
In the outskirts of a village near the sea.

There was a moment when the storm
Delayed its fist, when the surf fell
Like velvet on the rocks - a moment only;
The strangest lull we ever knew!
A sudden truce among the oaks
Released their fratricidal arms;
The poplars straightened to attention
As the winds stopped to listen
To the sound of a motor drone -
And then the drone was still.
We heard the tick-tock on the shelf,
And the leak of valves in our hearts.
A calm condensed and lidded
As at the core of a cyclone ended breathing.
This was the monologue of Silence
Grave and unequivocal.

What followed was a bolt
Outside the range and target of the thunder,
And human speech curved back upon itself
Through Druid runways and the Piltdown scarps,
Beyond the stammers of the Java caves,
To find its origins in hieroglyphs
On mouths and eyes and cheeks
Etched by a foreign stylus never used
On the outmoded page of the Apocalypse.

1943

(page 65)

Sergey Zemtsov

Translation. Ian Curtis, Disorder

До сих пор я ждал кого-то, кто прикоснется ко мне рукой.
И мои ощущения станут удовольствиями нормального человека.
Чувствительность меня откровенно интересовала ради моего будущего.
Я получил дух, потерял чувства, избавился от шока.
Все быстрее, все подвижней, все из рук вон.
С 10--го этажа, вниз по черному ходу, в человеческую жизнь.
Огни мигают, автомобили бьются, все входит в норму.
Я стал духовнее, потерял чувства, избавился от себя.
Все что значит для тебя,
Значит тоже самое для меня.
Мы снова встретимся.
Я рассматриваю тебя, или ее,
Не жду от вас, друзья, сожаления.
Кто--то прав, кто--то умеет сказать,
Кто--то реально уверен.
Новое ощущение пока подождет,
Подождет, пока,
Ты знаешь это,
Дух придет.

(157)

Disorder.

I've been waiting for a guide to come and take me by the hand.
Could these sensations make me feel the pleasures of a normal man.
These sensations barely interest me for another day.
I've got the spirit, lose the feeling, take the shock away.
It's getting faster, moving faster now, it's getting out of hand.
On the tenth floor, down the backstairs, into no man's land.
Lights are flashing, cars are crashing, getting frequent now.
I've got the spirit, lose the feeling, let it out somehow.
What means to you, what means to me, and we will meet again.
I'm watching you, I'm watching her, I'll take no pity from you friends.
Who is right, who can tell and who gives a damn right now.
Until the spirit new sensation takes hold, then you know.(3 times)
I've got the spirit, but lose the feeling.(2 times)

(page 157)

Sergey Zemtsov

Translation. Ian Curtis, New Dawn Fades

Переключая скорости, меняя стиль,
Не сожалея изменяя сцену.
И находя какой-то шанс издалека
Понаблюдать и восхититься.
Хотя уже не разбираясь
В тонкостях теней и красок,
Но за свои ошибки признавая
Вину без точного названия.
Легко понять,
Что пуля пистолета
Не даст тебе желанную свободу,
Ты сам об этом говоришь.
Мы вместе выпьем и уйдем,
И раздраженный голос,
Плачущий одновременно,
Переутомит невыносимо.
И я ходил бывало по воде, горел в огне,
И, кажется, с меня довольно, я искал
Там лишь себя, надеясь на другое что-то.
Теперь я здесь, опять надеясь.

New Dawn Fades

Change of speed, a change of style
A change of scene, with no regrets
A chance to watch
admire the distance
Still occupied - though you forget
Different colours, different shades
Over each mistakes were made
I took the blame
Directionless, so plain to see
A loaded gun won't set you free
So you say
We'll share a drink and step outside
An angry voice and one who cried
We'll give you everything and more
The strain's too much,
can't take much more
Oh I've walked on water,
run through fire
Can't seem to feel it anymore
It was me - waiting for me
Hoping for something more
Me - see me in this time -
Hoping for something else

Sergey Zemtsov

Translation. Jim Morrison, Power

Jim Morrison,
из сборника стихотворений, Wilderness: the lost writings of Jim Morrison.
Volume 1, 1988. 1st Vintage Books. Power.

'Listen, real poetry doesn't say anything. It just ticks off the possibilities.
Opens all doors. You can walk through any one that suits you.' - Jim Morrison

Власть

Я могу остановить
землю на орбите.
Я причина того, что
голубые автомобили
вдаль мчатся.

Я могу уменьшаться
и становиться невидимым.
Я могу увеличиваться
и становиться гигантом,
который достигать сможет
удаленные границы вселенной.

Я могу изменять
курс природы.

Я могу поместить себя
в любую точку
пространства и времени.

Я могу оживить мертвого.
Я могу воспринимать
события в других мирах,
внутри глубин моего сознания,
и внутри сознания других.

Я могу.

Я есть.

(13)

Power

I can make the earth stop in
its tracks. I made the
blue cars go away.

I can make myself invisible or small.
I can become gigantic & reach the
farthest things. I can change
the course of nature.

I can place myself anywhere in
space or time.
I can summon the dead.
I can perceive events on other worlds,
in my deepest inner mind,
& in the minds of others.

I can

I am

(page 13)

Sergey Zemtsov

Translation. Jim Morrison, The Wolf

живущий под скалой
Волк
пригласил меня
выпить холодной воды
не купаться не плескаться
но ждать захода солнца
и познать мертвую пустыню
в которой холодные люди
играют

(42)

The Wolf.
Who lives under the rock
has invited me
to drink of his cool
Water.
Not to speak or bathe
But leave the sun
& know the dead desert
 night
& the cold men
 who play there.

(page 42)

Sergey Zemtsov

Translation. Jim Morrison, Woman's Voice

Голос женщины.

Голос женщины:
дворец спермы сегодня ночью тепл
Мужчина:
мрак, мрак, судьба, крах
Женщина:
мраморное крыльцо, зал для карнавала,
серебряные улыбки, фанфары, танцы
Мужчина:
я хочу только тебя
Женщина:
в меня входит время как астронавт,
посылая с орбиты змей
Мужчина:
мы сможем справиться с чудом,
если будем вместе
Женщина:
одни
Мужчина:
с нашим проводником - ночью

(146)

WOMAN'S VOICE

Woman's Voice:
The palace of sperm warm tonight

Man:
Umm. gloom gloom doom ruin.

Woman:
Marble porches. The grand ball room.
Silver smiles. Trumpets. Dancing.

Man:
I want only you.

Woman:
This time come in me like an astronaut
Send snakes in my orbit.

Man:
We can accomplish miracles
when we're together.

Woman:
Alone

Man:
w/the night to guide us

(page 146)

Sergey Zemtsov

Translation. Jim Morrison, Cold electric music

Jim Morrison,
из сборника стихотворений, Wilderness: the lost writings of Jim Morrison.
Volume 1, 1988. 1st Vintage Books.

Cold electric music

Холодная электрическая музыка
поражает ломает
расщепляет сознание
темными грезами

Холодный храм металла
Холодные умы на
изрезанном побережье

Ветераны
потусторонних сражений
Мы солдаты войн
рок-н-ролла

(125)

Cold electric music
Damage me
Rend my mind
w/your dark slumber

Cold temple of steel
Cold minds alive
on the strangled shore

Veterans of foreign wars
We are the soldiers of
Rock & Roll Wars

(page 125)

Sergey Zemtsov

Translation. Jim Morrison, Ode To LA While Thinking Of Brian Jones, Deceased.

Джим Моррисон.

ОДА ЛОС-АНДЖЕЛОСУ
(на смерть Брайна Джонса)

Я был резидентом этого города,
И все подбивали меня на эту роль -
Сыграть Принца Датского,

Бедная Офелия.

Он раньше отродясь не видел эдаких призраков,
Сидящих под куполом - на железной свече.

Одумайся и вернись,
Смелый солдат, выбери себе другой
Телевизионный канал.

Нырни в другой бассейн с марракешей,
Масляный и горячий, с душем яростной бури,
Чтобы все дикари в поздний полдень

Выбросились на мостовую монстрами ритма.

Ты оставил Ничто,
Чтобы сражаться и
Взять - Тишину.

Я верю - этому будет конец.
Ты выйдешь к нам - улыбаясь -
Как в детстве.

Вспоминая о крутой перемене мечты.

Муж со Змеями,
Выползающими из ладони с пальцами Ангела,
Окончательно твою душу великодушную заберет,
Офелия.

Листья, разбухшие от шелка,
Хлорированная подавленная мечта,
Сумасшедший свидетель остался - ты.

Тебе осталась, бунтарь, вышка для прыжков,
Сопряженная с риском - помнишь ли -
Там в том дамаске мускусный шепот сомнений...

Там кем ты был? Отбеленным Солнцем.
Полдником телеэкрана, рогатой гадиной,
Героем краж прожектором
Желтого цвета.

Теперь же - смотри!
Тебя взяли на мясное небо
Каннибалов и евреев.

Садовник найдет тело герольда,
Двуногое тело.
Порхающий
Счастливчик-босяк.

Сделан из дыр в Коже богини.

Да воскурится
Из музыкальных салонов смрад
В направлении Неба.

Нет положительных шансов.

Реквием тяжести,
Улыбкой свинячей сатира, падает вверх,
Глинянным черепком.

примечания:

Эти (Wilderness) стихотворения Джима отличаются от текстов песен группы Doors.

-бассейн с марракешей (Marrakesh Oil- англ.) - Marrakesh Oil fuses modern haircare technology with rare natural ingredients including Argan Oil from Morocco.

ODE TO LA
WHILE THINKING OF
BRIAN JONES, DECEASED

I'm a resident of a city
They've just picked me to play
the Prince of Denmark

Poor Ophelia

All those ghosts he never saw
Floating to doom
On iron candle

Come back, brave warrior,
Do the dive
On another channel

Hot buttered pool
Where's Marrakesh

Under the falls
the wild storm
where savages fell out
in late afternoon
monsters of rhythm

You've left your
Nothing
to complete w/
Silence

I hope you went out
Smiling
Like a child
Into the cool remnant
of a dream

The angel man
w/Serpents competing
for his palms
& fingers
Finally claimed
This benevolent
Soul
Ophelia

Leaves, sodden
in silk

Chlorine
dream
mad stifled
Witness

The diving board, the plunge
The pool

You were a fighter
a damask musky muse

You were the bleached
Sun
for TV afternoon

horned-toads
maverick of yellow spot

Look now to where it's got
You

in meat heaven
w/ the cannibals

& jews

The gardener
Found
The body, rampant, Floating

Lucky Stiff
What is the green pale stuff
You're made of

Poke holes in the goddess
Skin

Will the Stink
Carried heavenward
Thru the halls
of music

No chance.

Requiem for a heavy
That smile
That porky satyr's
leer
has leaped upward

unto the loam.

(page 129)

Sergey Zemtsov

Translation. John Glassco, The Death of Don Quixote

Смерть Дон- Кихота

-1 -

Итак, что мы имеем?
Мир арестованных вещей.

И музыку я слышать перестал.
Сражаясь с мельницами,
Великанов я не вижу.
Войска мои простое стадо.
Шлем рыцаря горшок.
А Дульсинея при коровах.

Священник рад, что, наконец-то,
После дивных странствий
Я от пяти моих чудесных чувств
Готов отречься, и снять доспехи,
И покаяться, и умереть как подобает.

Так сдох и конь мой, Росинант,
У Санчо ослик сдох его,
А кости их кому-нибудь нужны?

Амадис Гальский, рыцарь, тоже мертв.
Но живы ли, тогда, мы, остальные?
И жив ли я, создавший целый мир?

Да, умереть, уйти,
Осилить неразумие вселенной,
Как раз и означает быть живым.

-2-

Ну вот, а за окном опять зеленые деревья,
И пыльная дорога вдалеке, и солнце, и цветы,
И что же я познал за эти годы?

Ну хорошо, нет ничего такого, что реально.
А я простой и добрый Дон Кихот Алонсо
Разумный господин, лежу в постели,
Своими слугами умытый, и готовый к смерти.

Я, кажется, хотел найти
Иного Бога,
И этим я себя убил.
А может быть я
Жертва грубой драки,
И непристойной шутки,
И оболочка тела просто изнасилась?
По всякому выходит то, что я теперь лежу.

Безумие исцелено, видениям конец,
Измена Красоте с попами так печальна.
Священное писание скучнее,
Чем книги рыцарского этикета.

- 3 -

О Боже, я всего лишен!
В покое, в тишине
Разумного существования.

Как дерево, которое в хорошую погоду,
Любуется собой в стоячей луже.

Другой дело, если ураган,
Спустившись с неба, раздувает
В вальсе бытия
Фонтан дрожащих листьев.
Это мило сердцу моему.

И я всегда хотел понять,
Так почему же люди неподвижны
Как безногие деревья?

И почему, вообще, они считаются людьми,
Когда они не могут бросить вызов
Раскрашенным лубкам,
И тихому творенью Бога?

Ну, хорошо, конечны вещи.
Я имел свой день.
И я имею этот дом.
И вижу все, как быть должно
На самом деле.

Затейливый творец меня забыл,
Он отвернулся от меня как сытый барин,
Непостоянный автор моего романа,
И флегматичный прокуратор.

Один лишь человек, мой Санчо,
В смерть мою серьезно верит.

Я вижу по глазам его, боится.

Но только потому, что видит
Что в моих глазах,
Как в зеркале отражены,
Его глаза.

The Death of Don Quixote

I

So this is what it is,
The world of things, arrested.
The music in my brain has stopped.
The armies are simply sheep, the giants windmills,
Dulcinea a cow-girl,
Mambrinus' helmet a barber basin -
And the priest is delighted,
Fussing over me as I lie here
After my marvellous interminable journeys,
Shorn of my armour, extenuated,
Now in my five wits, restored,
Ready to make a good death.
- Rosinante and Dapple are dead too
Where are their bones?

Are we all as dead as my Amadis
Who slew so many giants, indomitable?
I who modelled my endeavour, who tried...

Yes, this is what it is to be alive,
To die, to cease
To force a folly of the world.

II

The trees beyond the window are blowing green
The long road white in the distance, the sunshine,
There are flowers at my window
What do I know?

Well, that nothing partakes of reality,
And I too am simply Alonso Quixano the Good,
The wise gentleman, the resorted,
Lying in my bed, tended
By my loving people, ready
To make a good death...

I appear to have killed myself
By believing in some other God:
Or perhaps it was the drubbings did forme,
The horseplay, the jokes
Wore out my silly casing of flesh.
In any event, as I lie here,
The withdrawal of the vision,
The removal of the madness,
The supplanting of a world of beauty
By God's sticks and stones and smells

Are afflictions, I find, of something more absurd
Than any book of chivalry.

III

O my God
I have lost everyting
In the calm of my sanity
Like a tree which regards itself
In still water
Seeing only another tree,
Not as when the crazy winds of heaven blew
Turning in to a perpetual fountain
Of shaken leaves,
The image of an endless waltz of being
So close to my heart I was always asking
Why should we not dance so far ever, be always
Trees tossed against the sky?
Why are we men at all if not to defy
This painted quietude of God's world?

Well, everything must have en end.
I have had my day
I have come home
I see things as they are.
My ingenious creator has abandoned me
With the insouciance of a nobleman
The flickeness of an author
The phgelm of an alguazil-

Only Sancho is faithful unto death
But in his eyes I discern the terrible dismay
For he sees that mine are at last a mirror of his own.

1964

(page 310)

Sergey Zemtsov

Translation. Joseph Bruchac. Canticle

из сборника стихотворений, Finding The Way Home.
Poems of Awakening and Transformation.
edited by Dennis Maloney, 2010, White Pine Press, Buffalo, NY.

Joseph Bruchac. Canticle.

Гимн.

Пусть кто-то мечтает
об арфах и небесном хоре.
Мое решение с этой Землей
оставаться.

Когда старый седой поэт
решает остаться
жить среди животных,
почему же я лучше, и я того же достоин,
оставаться и умирать вместе с ними.

Великий Млечный Путь,
эта тропа моих предков
к последнему дому их счастья,
но это не то, о чем я мечтаю.

Я не верю, что наша цель Небо,
мы все равно с Дождем
упадем вниз.

(p 169)

Canticle

Let other speak
of harps and
heavenly choirs
I've made my decision
to remain here
with the Earth

if the old grey poet
felt he could turn and
live with the animals
why should I be too good
to stay and die with them

and the great road of the Milky Way,
that Sky Trail my Abenaki ancestors
strode to the last Happy Home

does not answer my dreams

I do not believe
we go up to the sky
unless it is
to fall again
with the rain

(page 169)

Sergey Zemtsov

Translation. Ko Un. 'What? 108 Zen Poems'

СОВА

В полдень у совы открыты глаза,
Но ничего не видят.
Немного потерпи.
Скоро твоя ночь.

THE OWL

Midday owl
eyes glaring
can't see a thing.
Just wait.
Your night's sure to come.

(22)

УЛЫБКА (1)

Голова свиньи в котелке с кипятком
Улыбается тебе.

При любых обстоятельствах поступай благородно.

A SMILE(1)

Standing in front of the smile
on the face of a boiled pig's head

by all means be as generous.

(37)

ПЬЯНИЦА

Я никогда не был индивидуумом.
Шесть триллионов клеток!
Я - коллектив.
Я иду и шатаюсь.
Шесть триллионов клеток
И все пьяны!

A DRUNKARD

I've never been an individual entity.
Sixty trillion cells!

I'm a living collectivity.
I'm staggering zigzag along,
sixty trillion cells, all drunk!

(39)

КОМНАТА ДЛЯ МЕДИТАЦИИ

Попробуй сидеть
Не одну кальпу, но десять кальп.
И не дождешься просветления.

Поэтому просто поиграй с агониями,
с иллюзиями, а затем
встань и
иди.

-

Кальпа (санскрит) - 4,32 миллиарда лет

MEDITATION ROOM

Try sitting
not just for one kalpa
but for ten kalpas.
No enlightenment will come.

Simply play for a while with agonies, illusions,
then stand up.

(48)

ДНЕВНОЙ ПОЛЕТ

Маленькая частица света в секунду
Пролетает 300,000 километров.
А за сутки еще больше.
А ты жалуешься, что день короток.
Ты алчное существо.

DAYFLY

Three hundred-millionths of a second.
It that's how long one particle lasts
think how endless one day is.
You say a day's too short?
You greedy thing.

(56)

ФАНТОМ

У оленя большие рога.
Ветер праздный застрял там,
Не может выпутаться.

Хей, путник! Пересекающий горы.

A PHANTOM

Deer can grow long horns!
Now the idle wind has got caught on their horns
and can't budge an inch.

Hey you, walking across the hillside!

(57)

УЛЫБКА (2)

Шакьямуни показал лотос,
А патриарх понимающе улыбнулся.
Вовсе не так.
Патриарх улыбался, потому что
Лотос улыбался ему.

А Шакьямуни и в помине не было здесь.

A SMILE(2)

Shakyamuni held up a lotus
so Kashyapa smiled.
Not at all.
The lotus smiled
so Kashyapa smiled.

Nowhere was Shakyamuni!

(67)

ГОРА ЕСТЬ ГОРА

'Гора есть гора! Вода есть вода! '
пели монахи в строю.
'Гора не есть гора! Вода не есть вода! '
пели монахи в строю.

Кушай свою пищу.
Поел?
Теперь иди посри.

MOUNTAIN IS MOUNTAIN

'Mountain is mountain
water is water, ' Daineng chanted.
'Mountain is not mountain
water is not water, ' Daineng chanted.
Eat your food.
Once you've eaten, go shit.

(69)

ВЕРШИНА ГОРЫ

Что ты нашел на вершине горы?
Спускайся.
Персик цветет на развилке дорог.
'Сегодня я не ходок...'

MOUNTAINTOP

What do you say there is up on the mountaintop?
Come down.
A peachtree's flowering at the crossroads.
'I'm off walking again today...'

(70)

О ПТИЧКЕ

Некая птичка съела свою мать.

Мать, что заботится о
Птенце, кормит его,
Выращивают свою смерть.
Птенец как его мать.
Съедение матери естественно
Как для матери,
Так и для птенца.

A CERTAIN BIRD

One kind of bird eats up its mother.

The mother hatching and feeding her chick.
is feeding her own death.
Like mother like chick.
Eating up mother
is the natural thung fo mother and chick.

(81)

ПРОСТАЯ ВОДА

Мы все идем своей дорогой,
Но рассказываем, что нас чему-то научили.
Вот вода. Она просто так течет с гор в долину.
А мы говорим, что нас кто-то надоумил.
Вызывает сожаление разум человеческий.

SIMPLY

We're each going our own way
but we say
it's because someone told us to.
The water simply flows down the hills
but we say
it's because someone told it to.
Human wisdom's pitiful stuff.

(86)

СТЕЙК

В нижнем городе
Я выпивал и закусывал.
Я полный рот набил жареным мясом.
И почему-то мясо застряло.

Не могу ни выплюнуть, ни проглотить.
А тут проливной дождь с улицы стал
Кричать мне.

Быстрее! Скажи что-нибудь!
Что?

STEAK

Drinking in downtown Daejeon
my mouth was stufed full
with a big lump of broiled steak

but suddenly I couldn't swallow it
couldn't spit it out...
outside the pouring rain was shouting:
Quick! Say something!

What?

(87)

УЛИЦА ДЖОНГО

Когда я шел по улице Джонго,
Я купил и выпил бутылку шнапса.

JONGNO STREET

As I went strolling down Jingmo Street in Daegu
I bought and drank a bottle of schnapps.

(89)

ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ

Целый день дождь как из ведра.
Все твари попрятались.

Ребята! Выходите!
Выходите играть под дождем.
Небо появится завтра или послезавтра.

HEAVY RAIN

Rain pouring down all day long
not a beast anywhere in sight.
Alright!
You guys! Come out!
Come out to play in the rain.

The sky will come out tomorrow and the
day after tomorrow.

(99)

КОМАР

Меня цапнул комар.
Почему я еще жив?
Чес. Почес.

MOSQUITO

I've been bitten by a mosquito.
Thanks a million.
Why, I'm really alive.
Scratch scratch.

(105)

ПЛЯШУЩАЯ ЗВЕЗДА

Вуа! Ты узнаешь меня!

A SHOOTING STAR

Wow! You recognize me.

(111)

ЛЕТО

Неприметный подсолнух тянется к солнцу.
Неприметная ночная фиалка любит луну.
Глупость.

Это все, что они знают.
В то время как днем летают стрекозы,
А ночью ползают жуки.

SUMMER

The sightless sunflower follows the sun.
The sightless moonflower blossoms in moonlight.
Foolishness.
That's all they know.
Dragonflies fly by day
beetles by night.

(113)

ЧАШКА ЧАЯ

Вот чашка рябинового чая. Попей.
Выпей две или три, вместо того, чтобы
Рассказывать о путешествии за тысячу миль.

Хей, вы! Языкастые!

A BOWL OF ROWAN TEA

Here's a bowl of rowan tea. Drink Up.
Rather than sing about thousand of miles
travel two or three.

Hey, you tongues.

(117)

ЗАХЛОПНИ ДВЕРЬ

Иди отсюда. Меня здесь нет.
Иди и поищи меня на дне моря.
Здесь только бездомная собака,
Что спит и ест свое дерьмо.

Да уж!

SLAMMING THE DOOR

Go away. I'm not here.
Go and look
at the bottom of the sea.
Here's only a stray dog that shits
then licks its dirt.

Yeah!

(119)

НЕКАЯ МУХА

Муха села.
Я прибил ее ладошкой.
Нет мухи больше.
Что здесь происходит?
Ты, должно быть, глуп
Что здесь происходит?

ONE FLY

The fly settled.
I squashed it with my palm.
No more fly.
What's going on here?
You must be stupid.
What's going on here?

(127)

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Если ты исчезнешь,
Исчезнут север, юг,
Восток и Запад.
О, нет!

THE POLE STAR

If you vanished
the north would vanish
the south would vanish
east and west would vanish
No.

(133)

ПИСЬМО

Мастер Коана Ханам
Прислал Мастеру Коана Гуанджонгу
Ответ на его письмо - чистый лист бумаги.

Ага! Он не дядя ему, а кузен!

A LETTER

Seon Master Hanam's reply
to a letter from Seon Master Gyeongbong
was one blank sheet of paper.

Ha ha, there're cousins, not uncles.

(135)

Sergey Zemtsov

Translation. Leonard Cohen. Let Us Compare Mythologies

ГОРОДСКОЙ ХРИСТОС

После бесчисленных войн
Он вернулся домой
Парализованный и слепой.

По утрам он выносит с трудом
Городские трамваи.

Свой возраст не помнит,
Но знает, что годы
Его безнадежны.

Его держат на работе в суде
Как еврея, специалиста
По уголовным делам.

Но в ураган
Он не выходит из дома.
С мошенниками
С дороги большой
Дружбу не водит.

(14)

CITY CHRIST

He has returned from countless wars,
Blinded and hopelessly lame.
He endures the morning streetcars
And counts ages in a Peel Street room.

He is kept in his place like a court jew,
To consult on plagues or hurricanes,
And he never walks with them on the sea
Or join their lonely sidewalk games.

(14)

ГЕРОИЧЕСКОЕ ТЕРПЕНИЕ

Если бы моя голова светилась.
В трамвае люди стали бы
На меня оглядываться.

Если бы я умел жить под водой.
В одном ряду плавать с рыбами.
Был бы морским змеем.

Если бы я расплавил и сжег
Свое птичье оперение,

Пролетая мимо звезды.

Ты что же, думаешь, я бы
Оставался здесь в этой комнате,
Развлекать тебя поэмами?
Ты бы мечтал,
Шевелил бы своими губами,
Повторяя слова
Моих стихотворений?

(18)

THESE HEROICS

If I had a shining head
and people turned to stare at me
in the streetcars;
and I could stretch my body
through the bright water
and keep abreast of fish and water snakes;
if I could ruin my feathers
in flight before the sun;
do you think that I would remain in this room,
reciting poems to you,
and making outrageous dreams
with the smallest movements of your mouth?

(18)

ЛЮБОВНИКИ

Сделка
Двух влюбленных
На пепелище после
Первого погрома.

Она увлеклась чувствами.
Он рифмами в своей поэме.

Дальнейшие поцелуи
Они хитроумно урвали
В сарае, пока солдаты
Не пришли выбивать ей
Золотые зубы.

Потом уже она
Горела в огне,
А он целовал
Ее грудь.

Позже он часто спрашивал
Себя самого: а был ли

Тот бартер хорош?

Сейчас опять начались грабежи
И погромы, и знают все, о том
Как он много страдал.

(23)

Lovers

During the first pogrom they
Met behind the ruins of their homes-
Sweet merchants trading: her love
For a history-full of poems.

And at the hot ovens they
Cunningly managed a brief
Kiss before the soldier came
To knock out her golden teeth.

And in the furnace itself fondly
As the flames flamed higher,
He tried to kiss her burning breasts
As she burned in the fire.

Later he often wondered:
Was their barter completed?
While men around him plundered
And knew he had been cheated

(23)

САТАНА В МОНРЕАЛЕ

Можно сказать про него:
Он разбирается в Искусстве,
В поэзии, в рецептах Мастеров.
Руки, украшены самоцветами,
Ногти холеные, розовые.
Часто во время прогулки
Поет испанские серенады.
Припоминает шутки двора
Короля Фердинанда.
Часто и точно цитирует
Комедию Данте.
Лацкан
Веточкой аспарагуса
Интимно украсил.

(43)

SATAN IN WESTMOUNT

One noticed his hands,
finely carved,
almost the colour of jade,
and the fingernals,
pink and cultivated.

He spoke of Art
and of poetry
and held us with descriptions
of the Masters.

Often when walking
he sang fragments
of austere Spanish songs
from the Court of Ferdinand,
and quoted Dante
accurately and often.

But in his lapel,
discreetly,
he wore a sprig of asphodel.

(43)

Поem

ПОЭМА

Я слышал, что жил человек,
Который умел говорить
Абсолютно прекрасно,
И слова его действовали
На женщин неотразимо,
Они ему отдавались
Мгновенно,
Услышав.

А я молчу,
Лежа с тобой.
И тишина как опухоль.
И губы наши замерзли.

И все потому, что мне
Кажется, и я слышу
Как под дверью
У черного хода
На нашей лестнице
Кашляет вор.

(47)

Poem

I heard of a man
who says words so beautifully
that if he only speaks their name
women give themselves to him.

If I am dumb beside your body
while silence blossoms like tumors on our lips.
it is because I hear a man climb stairs and clear his throat outside the door.

(47)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Если пропал твой ближний.
Если пропадают люди.
Твой тихий сосед с граблями,
Твоя соседка, загоравшая днем
На газоне, то об этом
Не говори никому.

Не рассказывай жене,
Во время ужина.
Не рассказывай дочери,
Когда та из церкви
Придет домой.

Ни про парня, который
Пропал со своими граблями,
Ни про девушку загорелую,
Которая исчезла месяц назад.

Если твой сын заметит.
Что из соседних ворот
Никто не выходит,
И будет болтать,
Что там пусто,
Ты закрой ему рот,
И пусть отправляется спать
Без десерта на ужин.

Это может стать правилом.
Стать нехорошей привычкой.
Если жена, дочь поймут,
Что все позволено,
Что они могут идти
Куда хочется.

(53)

WARNING

If your neighbour disappears
O if your neighbour disappears
The quiet man who raked his lawn
The girl who always took the sun

Never mention it to your wife
Never say at dinnertime
Whatever happened to that man
Who used to rake his lawn

Never say to your daughter
As you're walking home from church
Funny thing about that girl
I haven't seen her for a month

And if your son says to you
Nobody lives next door
They've all gone away
Send him to bed with no supper

Because it can spread, it can spread
And one fine evening coming home
Your wife and daughter and son
They'll have caught the idea and will be gone

(53)

Sergey Zemtsov

Translation. Robert Finch. Scroll- Section

Ты, который практикуешь четыре элегантных занятия,
чай, музыку, каллиграфию и шашки,
следуй за мной, сквозь снега,
туда, где цветет слива.

Оставь основателям королевства
их дело - жонглировать нациями,
и смотри на луну, где за облаками,
белый заяц пестиком в ступе
александрийские листья толчет,

И оставь свой треножник для лаковых кукол,
вольер для птичек из окаменевшего леса,
льва из малахита в парчевой чалме,

И оставь камарилье
твоих летописцев пыльное прошлое,

И не заботься о расшитом седле,
и уздечке, украшенной ювелиром,
следуй за мной, сквозь снега,
туда, где цветет слива.

Хромой лосось радугой блещет в фонтанах,
дракон в поисках жемчуга уничтожает пространство,
феникс, воспламеняясь, первый раз место находит,
где бы свой хвост привести в порядок.

Ты, рассмотри в нужном порядке
все эти достоверные факты.

Хотя персик и слива молчат,
к ним протоптаны тропы.

Всякий простецкий талант
пока не оценен молчит.

Даже полый бамбук
листья имеет, которые усыхают.

Вернись из снежного края,
дай отдых уставшим суставам,
чернилами нарисуй
деревья у гор, ползучие облака,

роскошные реки, с обрывов ветром
снесенные в пропасть,
в туманах стоящие монастыри,

прекрасное, что не мерит предела себе,
цель твоя - и в продолжение,
печать ума твоего

одолжат другие,
забыв ее тебе вернуть.

(119)

Scroll-Section

You who practise the four elegant occupations
tea music calligraphy and checkers
follow me over the snow in search of plum blossom.

Leave kingdom breakers
to juggle nations,
and care's broad
cloud
to the white hare that with mortar and pestle
sits in the moon by the cassia tree,
leave your lacquer trestle
of puppets, your aviary
of pets in petrified wood,
your malachite lion with its ball of brocade,
your clique to scribble the past
on dust,
and with no inlaid saddle,
no jewelled bridle,
follow me over the snow in search of plum blossom.

The leaping salmon rainbows the cataracts,
the dragon in chase of a pearl skips space
and the phoenix, alighting, first selects a place
to arrange its tail. Emulate in a degree these agreeable acts.

Silent though peach and plum
a path is trod to them.
Every rustic talent
till seen is silent.
Even the hallow bamboo
has leaves that droop.

Come back over snow,
set up
wrist-rests, paint in ink
mountains trees creepers clouds
gorges rivers cascades
the brink
of wind, monasteries in mist.
beauties that have no best,

that through your purpose a longing be learned, earned,
the seal of your mind borrowed and not returned.

[1943]

(page 19)

Sergey Zemtsov

Translation. Sean O'Brien. 'November'. Counting The Rain

В своем большом доме выключи все:
Газ, электричество, воду - дважды проверь.
Не забудь, уходя, в карман положить ключи.

Уходи! Оставайся в лесу,
И считай капли дождя.
Ты домой никогда не вернешься.

(42)

Counting the Rain

Check the gas and hide the back door key.
Lock up. Make sure you have, and then
Go out and count the rain, and this time
Do it properly. You won't be home again.

(page 42)

Sergey Zemtsov

Translation. Sean O'Brien. 'November'. Europeans

The 2012 Griffin Poetry Prize Anthology. Edited by David O'Meara
House of Anansi Press Inc, Canada, Toronto, 2012.

Sean O'Brien. 'November'. Europeans.

Европейцы.

Да, мы живем в Европе, так будем
Продавать грибы.
Мы собираем их в березовом лесу,
Перед восходом солнца, как когда,
И шляпками грибными украшаем
На обочине дорог прилавки.

Но это время мы проводим хорошо,
Беседуя, болтая обо всем, что может
Оказаться знанием, а также чушью,
Во всяком случае о том, что
Вне обычных рамок конформизма,
Закона и молвы.

Коль скоро, мы на наших стульях
Раскладных, сидим здесь постоянно,
По килограмму или горкой продавая
Реальнейший продукт земли в кульках,
Мы ощущаем также и реальность
Собственного существования.

(41)

Now we are in Europe let us take
To selling mushrooms by the roadside,
Broad-brimmed platefuls of uniform buttons
Plucked before dawn in the forest of birch,
The dank delicious one-legged flesh
Climbing from grave-pits as big and as deep
As the forests themselves, for it does not
Take long to establish the custom, not long
To forget the beginning, to hold up
A bucket or basket of mushrooms
And talk about always and offer a shrug
That proves our knowledge and our ignorance
Identical, proverbial, entirely
Beyond the scope of history and law,
And since we have always been here
On our fold-away chairs near crossroads,
Hunched in black overcoats, pale as our produce,
Seeking and selling the flesh of the earth
By the handful and kilo in brown paper bags,
We cannot be other than real.

(page 41)

Sergey Zemtsov

Translation. Timothy Leary. PsychoRelic Rap

здравствуй, это я, по умолчанию.

я знаю, что ты не интерактивная персона,
и делаешь все одно и то же, повторяешься.

но вот мы и пришли:
новая волна существования,
и плюс, и минус, общий термин
на который ты можешь ссылаться.

они называют тебя сволочью, но
какая ты - мне смешно - сволочь?
временем соединения
называют они время,
которое ты тратишь
на общение с себе подобными,
на интерактивное взаимодействие.

я и не думаю внушать тебе доверие,
мистер параллельный вычислитель
параллельных отношений - верь мне,
просто верь, этого достаточно, чтобы
снова помолиться, помолиться
этой моей песней.

я тебе объясню, что такое глаза,
а это окно, вход и выход
из твоего мозга в чужой мозг,
камеры, ячейки, электрофицированные
скользкие нервы для соединения
зрачка с телом.

два тела сливаются вместе в общей памяти,
в память только ради памяти.

там все что угодно может случиться-
мечты, сны, воображение.

да все, что угодно
может стать
реальностью.

ты и я мы прошли долгий путь,
что-то не совсем нормальное.
мы теперь оказались здесь
в меню буфера обмена
для вставки и редактирования.

я изменчив,
я не могу ничего тебе обещать
в такой атмосфере
среди инструментов

какого-то нового
анабиоза.

адвокаты, гипнотизеры
говорят, что нужно организовать
сознание вот так:
стань в караван, в дэйзи-чейн,
последовательные личности,
элементарные ячейки,
человеческий тулбар,
индикатор готовности
рукопожатия,
чтобы начались
эмиссия и поглощение
данных.

я твой рефлекс,
твоя реакция по умолчанию.

я предполагаю экспликацию
инструкций по изменению.

я греческая буква дельта
буква, которая используется
для обозначения изменений.

я буду твоей дельтой,
мертвой собакой дельтой.

в любое время, когда
тебе нужно будет
поболтать
позвони мне -
днем и ночью.

-
дэйзи-чейн (англ. daizy-chain) - обычно провод для подключения компьютера к
телефонной сети
тулбар (англ. toolbar) - 'панель инструментов', термин microsoft windows

-
PsychoRelic Rap

default I default
I know you you're a non-interactive person who per-
forms repetitious routine services
here we are whole new wave presence of absence positive
negative a general purpose term that you can refer to
the way you've got your mind made up I'm not hopin'
just believe me
they called you outlaw they called me smile the called

the amount of time you spent interacting with other
humans as connect time hey mister let's pray
that song again
when we come knockin' babe your ability to execute mul-
tiple thoughts simultaneous compute multiple relations
I'll tell you why the eye is a window in and out of the brain
the room the camera the chamber inter inter intercourse
brain to brain to brain to brain via the slithering path-
way the electrified nerve the moist eyeball 2 bodies
held together in the medium of the art merge grow go
blind delirious we lose all memory lost in memory
itself dreams imaginations everything is real every-
thing can happen you are everything oh yeh
you and I have come a long way kind of strange that
we're here on the file edit-view menu inserting a whole
new way of thinking format tools volatible a whole new
way of being changeable volatible
inconstant flicker I'm not just hopin' baby here we are
pass of a vapor
advocates hibernates hypnotists who say arrange your
mind you can disrobe your mind take off that mind join
the caravan the daisy chain the daisy chain where the
first person in the chain us connected to the host the
person connected to the first connected to the second
all link them sequentially the smallest unit of informa-
tion in a human barroom is a bit is a T.A. English
handshake lines indicating that you're ready to emit or
receive data
I'm you automatic value action or reflex that I
assume I assume explicit instructions to the contrary
the Greek letter delta means difference I'll be your
delta die dog delta

any time you need babblin' you call my number, day or night

Sergey Zemtsov